

**БЕЛАРУСЬ И СЛАВЯНСКИЙ МИР
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**БЕЛАРУСЬ И СЛАВЯНСКИЙ МИР
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ**

Сборник материалов
научно-практической конференции

Брест, 29 марта 2017 года

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2017

УДК 94(100)(82)+099.5
ББК 63.3(())я43
Б 43

Рецензенты:

заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»,
доктор философских наук, профессор **М.А. Можейко**

доцент кафедры иностранных языков УО «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина», кандидат филологических наук **И.В. Повх**

Редакционная коллегия:

старший преподаватель **Л.М. Калилец**
старший преподаватель, кандидат культуроведческих наук **Н.В. Самосюк**

Б 43   **Беларусь** и славянский мир в интеллектуальном контексте времени : сб. материалов науч.-практ. конф., Брест, 29 марта 2017 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: Л. М. Калилец, Н. В. Самосюк. – Брест : БрГУ, 2017. – 271 с.
ISBN 978-985-555-684-9.

Материалы сборника посвящены широкому спектру вопросов истории и культуры Беларуси и славянских государств. Авторы исследуют фольклорные обряды и традиции, тенденции и развитие современной науки и образования, изучают участие Беларуси во Второй мировой войне.

Издание адресуется преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

Ответственность за языковое оформление и содержание материалов несет авторы.

УДК 94(100)(82)+099.5
ББК 63.3(())я43

ISBN 978-985-555-684-9

© УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», 2017

дение родной веры предков, сохранение знаний по истории своей страны и распространение среди широких масс идеи о важности сохранения родного языка. Однако, несмотря на их благородные цели можно столкнуться с исторической безграмотностью, отрицанием общеизвестных и общедокладанных исторических событий и фактов, откровенное признание к представителям иной веры. Помимо всего прочего, многим родноверам присуща чрезмерная фанатичность в вопросах о своей вере, а любую другую религию они зачастую воспринимают как нечто очень негативное, несущее зло и разрушения в наш мир, и не хотят слышать иного мнения, кроме как их собственное. От себя хочу сказать, что нет ничего сложного в том, чтобы верить легкодоступным источникам, при этом отрицая многие существующие общепризнанные факты лишь потому, что те не сходятся с чьи-то личными представлениями об истории наших предков. Куда сложнее стараться добраться до подлинной исторической правды, а добравшись до нее, продолжать любить свою страну и родину такими, какие они есть, даже не смотря на черные страницы их прошлого.

Беларусь имеет очень длинную и богатую историю, однако не стоит эту историю фальсифицировать догадками и домыслами, доверяя тому, что больше нравится, а не тому, что действительно было.

Список использованной литературы

1. История белорусской родной веры [Электронный ресурс] // Велесов круг. – Режим доступа: <http://www.velesovkrug.ru/obnovleniya-na-sayte/rodnoveriebelorussii.html>. – Дата доступа: 26.03.2017.
2. Кавыкин, О. И. Родноверы. Самоиндефикация язычников в современной России / О. И. Кавыкин // – М. : Рос. акад. наук. Ин-т Африки, 2007. – 232 с.
3. Тулаев, П. В. Мировой лад – противовес мировому господству [Электронный ресурс] // Родовед. Центр знаний и искусств «Атеней». – Режим доступа: <http://www.ateney.ru/>. – Дата доступа: 25.03.2017.

А.Н. ВАБИЩЕВИЧ

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

ЗАПАДНОЕ ПОЛЕСЬЕ В 1921–1939 гг.: ВОЕВОДСКИЕ И ПОВЕТОВЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ

Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г., западно-белорусские земли почти на два десятилетия (до сентября 1939 г.) вошли в состав Польши. Там была проведена унификация административно-территориального деления с центральными и западными регионами Польского государства. Территория была разделена на воеводства, которые со-

стояли из поветов (уездов), поветы – из гмин, гмины – из громад (общин). Западное Полесье оказалось в Полесском воеводстве (центр – г. Брест, в 1923–1939 гг. именовался Брест-над-Бугом), в котором существовали Брестский, Дрогичинский, Кобринский, Коссовский (в 1935–1939 гг. Ивацевичский), Лунинецкий, Пинский, Пружанский, Столинский поветы. Поветовыми центрами в Полесском воеводстве являлись, соответственно, Брест, Дрогичин, Кобрин, Коссово (с 1935 г. Ивацевичи), Лунинец, Пинск, Пружаны, Столин. Низовой единицей административно-территориального деления являлись гмины.

В пределах Польского государства Полесское воеводство являлось отсталым аграрным регионом, где не было индустриальной базы, дорог, слабой была сеть школ, высоким был уровень неграмотности населения (в 1921 г. в среднем 71 % при общепольском показателе неграмотности 33,1 %) [1, с. 352–356]. Согласно официальным данным переписи населения 1921 г., в Полесском воеводстве белорусы составляли 42,6 %, поляки – 24,3 %, украинцы – 17,7 %, евреи – 10,4 %, другие – 5 %. В 1931 г. большинство населения Полесского воеводства составляли православные (76,5 %) [2, с. 265].

Польские административные органы власти начали создаваться на территории Западной Беларуси после занятия ее польскими войсками уже в 1919 г. Окончание советско-польской войны ускорило процесс формирования воеводских властей. После образования Полесского воеводства, согласно постановлению польского правительства от 21 марта 1921 г., там организовывались административные власти второй инстанции – воеводская администрация во главе с воеводой [3, с. 85–86]. Воевода обладал очень широкими полномочиями: к его компетенции относились все дела государственной администрации, кроме вопросов, переданных в ведение военных, судебных, казначейских, школьных органов власти, администрации железнодорожного транспорта, почты и связи. Воевода должен был обеспечивать общественную безопасность на территории воеводства, осуществлять надзор за деятельностью общественных объединений, сотрудничать с военными властями, планировать бюджет воеводского управления и подотчетных структур и т.д.

После майского (1926 г.) государственного переворота воеводы получили больше самостоятельности при формировании органов власти. На территории воеводства воеводе подчинялись все государственные административные органы и службы, органы самоуправления. Воеводы регулярно предоставляли в польское правительство отчеты об общей ситуации в воеводстве, деятельности политических партий и общественных организаций, состоянии национальных меньшинств, конфессий и др.

Распоряжением президента Польши «Об организации и сфере деятельности властей общей администрации» от 19 января 1928 г. сохрани-

лись прежние административно-территориальное деление на воеводства, поветы, гмины. К властям общей администрации относились воевода, поветовый (городской) староста, комиссар правительства, а также коммунальные органы. После апрельской (1935 г.) конституции Польши воеводы получали еще большие, почти неограниченные полномочия.

На должность воевод назначали только поляков, уроженцев коренных польских земель, выходцев из состоятельных кругов, представителей политической и военной элиты. В Полесском воеводстве эту должность занимали Валерий Роман (1921–1922 гг.), Станислав Довнарлович (1922–1924 гг.), Казимир Млодзяновский (1924–1926 гг.), Я. Крахельский (1926–1932 гг.), Вацлав Костек-Бернацкий (1932–1939 гг.), а также исполнял обязанности полесского воеводы в 1937 г. Ежи де Трамекурт. Для многих из них должность воеводы являлась «стремлином» для занятия министерских или других постов в Варшаве. Некоторые должны были досрочно и бесславно оставлять должность воеводы. Например, после случившегося инцидента с С. Довнарловичем, когда 24 сентября 1924 г. на участке между станциями Параконек и Ловча партизаны напали на поезд, в котором ехал воевода с чиновниками, и ограбили, дальнейшее нахождение его на должности полесского воеводы было исключено [4, с. 49].

Тот же полесский воевода С. Довнарлович в 1923 г. направил в МВД Польши докладную записку «Очерк программы, заданий и государственных работ на Полесье». Предложенные им мероприятия должны были ускорить процесс колонизации Полесья. Предлагалось изменить административные границы Полесского воеводства, создать сплоченную местную администрацию, которая «имеет высокое осознание задач и наделена значительной властью» и др. Согласно С. Довнарловичу, надо было подбирать в польские органы власти благонадежные в политическом отношении кандидатуры, имеющие высокую квалификацию, удалить со всех должностей в государственном аппарате лиц непольской национальности [5, с. 45–46].

Среди воевод сторонниками активного применения полицейско-административных методов руководства являлся полесский воевода В. Костек-Бернацкий. Именно он был инициатором открытия в 1934 г. Береза-Картузского концлагеря, в коммунистической печати назывался «верной собакой Пилсудского», «вешателем», «палачом» и т.д. [6, с. 232]. Он исключил всякую самостоятельность поветовых старост, одновременно негативно относился к проявлениям коррупции, устраивал тайные инспекции, переодевшись в местного крестьянина. Специальная комиссия польского эмиграционного правительства в годы Второй мировой войны дала неблагоприятную характеристику В. Костек-Бернацкому: «высоко самоуверенный и бездарный человек, никогда не принимал чужого мнения, когда

оно не совпадало с его мыслью, ... человек без всякой совести и морали» [6, с. 396–397].

При воеводе распорядительным органом являлось воеводское управление. Структура воеводского управления постоянно изменялась. Она включала в себя отделы, которые по мере необходимости делились на отделения, секторы (referaty). Как правило, в воеводское управление входили такие отделы, как президиальный (общий), административный, самоуправления, которые относились к компетенции МВД Польши, а также безопасности, военный, финансово-бюджетный, дорожно-строительный, продуктового обеспечения, общественного здоровья, труда и социальной опеки, промышленности, сельского хозяйства, окружная дирекция общественных работ и др. В 1930-е гг. в структуре воеводских управлений появились отделы сельского хозяйства и аграрных реформ, создавались общественно-политические отделы, были упразднены административные отделы, а их функции переданы другим силам общественной безопасности.

Начало деятельности коллегиальных органов воеводского уровня на западнобелорусских землях было положено распоряжением президента Польши «Об организации и сфере деятельности властей общей администрации» от 19 января 1928 г., по которому при воеводах временно создавались воеводские рады и отделы. Воеводская рада состояла из членов, избранных поветовыми сеймиками и радами городов, выделенных из поветовых коммунальных союзов (по 1 человеку). Воеводская рада являлась совещательным органом при воеводе. Также при воеводе создавался воеводский отдел, его заседания воевода созывал по мере необходимости. Решения воеводского отдела являлись рекомендательными. Созданные вместо органов самоуправления коллегиальные органы (воеводская рада и отдел) были полностью зависимы от воеводской администрации. Воевода являлся председателем воеводской рады, в воеводском отделе также руководил воевода или вице-воевода. Самостоятельность (в ограниченных рамках) воеводских коллегиальных органов проявлялась лишь при надзоре за органами самоуправления.

Временные органы власти первой инстанции – поветовая администрация (староство) во главе со старостой – начали создаваться на западнобелорусских землях согласно постановлению польского правительства от 28 августа 1919 г. [3, с. 61]. Поветовому старосте подчинялись руководители гмин, городского самоуправления. Вначале поветы делились на районы (до 6), которые были упразднены согласно распоряжению польского правительства от 1 января 1922 г. Однако и после этого на Полесье еще некоторое время районы сохранились.

Компетенция старосты была изложена в распоряжении президента Польши от 19 января 1928 г. Староста на территории повета (подобно тому, как воевода в воеводстве) обладал широкими полномочиями, почти неограниченной властью. Фактически под его контроль попадали все сферы жизни местного населения. Структура поветовых староств не была постоянной. Как правило, поветовое староство состояло из общего, организационного, административного (уголовно-административного), военного, строительного, ветеринарного, мелиорационного секторов, секторов общественной безопасности, здравоохранения, социальной опеки, земледелия и земельных реформ, охраны леса, инвалидов войны и др. Одной из основных функций поветовой и воеводской администрации являлось обеспечение общественного порядка, борьба с «антигосударственными элементами», к которым причисляли коммунистов и им сочувствующих, деятелей западнобелорусского национального движения и других общественных активистов. Для этого использовались органы польской государственной полиции (комендатуры, участки).

Поветовые староства комплектовались из поляков, уроженцев центральных воеводств Польши. В контактах с местным населением польские чиновники и служащие использовали государственный (польский) язык.

Среди чиновников и служащих воеводского и поветового уровней администрации часто наблюдались злоупотребления властью, бюрократизм, волокита, пренебрежительное и унижительное отношение к местному населению. Распространенным явлением являлась коррупция [7, с. 81–82]. При подборе кадров в первую очередь учитывалась их принадлежность к польской национальности, к католицизму, степень политической лояльности, а не профессионализм, авторитет и уважение населения.

Как отмечал этносоциолог Ю. Обрембский, «политическое завоевание полесской деревни происходило не через связь полесского крестьянина с жизнью польского общества, а при помощи ополычивания местной администрации вплоть до самых низших ее уровней» [8, с. 350]. Чрезмерная полонизация местной администрации являлась одним из важных факторов, что создавал барьер в отношениях между местным населением и органами власти. Например, в декабре 1932 г. в Кобринском повете среди чиновников и служащих государственной администрации национальный состав был следующим: 261 поляк, 18 русских, 9 белорусов, 3 еврея, 2 украинца [4, с. 63].

Полеский воевода Я. Крахельский в циркуляре от 22 августа 1930 г. считал самым вредным для государственных интересов Польши не белорусское или украинское национальное движение, а польский национализм [9, с. 30, 147–148]. В октябре 1937 г. в распоряжении полесского воеводы В. Костек-Бернацкого о методах проведения полонизаторской политики

при разрешении земельных вопросов на Полесье указывалось, что «Полесье должно быть польским, несмотря на местное наречие и вероисповедание большинства жителей» [10, с. 456]. В апреле 1938 г. тот же воевода распорядился толерантно относиться к местным крестьянам, но считать «полями без воззрения на вероисповедание» [11, с. 168].

Создание органов поветового самоуправления – поветовых коммунальных союзов – было определено временным положением от 4 февраля 1919 г. В 1929 г. в Полесском воеводстве было 10 поветовых коммунальных союзов. Они занимались хозяйственными вопросами, управляли имуществом, поддержкой сельского хозяйства, промышленности, ремесел и торговли, строительством и ремонтом дорог, здравоохранением, созданием и содержанием больниц и санитарных заведений, помощью учреждениям образования, благотворительностью и др. Руководящим органом поветового коммунального союза являлся поветовый сеймик. С 1933 г. представителем поветового союза самоуправления стала поветовая рада (поветовый совет). Поветовый сеймик являлся распорядительным и контролирующим органом: занимался утверждением поветового бюджета, налогообложением, выплатами и другими текущими вопросами.

Деятельность поветовых рад не отличилась высокой эффективностью, не пользовалась доверием у местного населения. Это было вызвано недовольством людей различными коммунальными налогами, слабой профессиональной подготовкой кадров управленцев, нередко отрицательным морально-этическим обликом чиновников и служащих. Заседания поветовых рад проходили нерегулярно, иногда вообще не проводились. Негативно сказывалась на эффективности работы органов поветового самоуправления недостаточное их финансирование.

Поветовые сеймики (с 1933 г. – поветовые рады) так и не смогли стать реальными органами самоуправления, т.к. были ограничены в своей деятельности как поветовыми старостами, так и вышестоящими польскими административными властями. Согласно закону от 23 марта 1933 г., надзорные органы получили право утверждать органы самоуправления, распускать их, утверждать выборы в гминах и городах. Руководство поветовым самоуправлением полностью подчинялось поветовому старосте, который мог утверждать или отклонять решения органов самоуправления.

В целом, нацеленность политики польских властей на колонизацию западнобелорусских земель и полонизацию их населения предопределила расширение полномочий административных органов и сужение полномочий органов самоуправления, установление за ними всестороннего контроля. Заложенные в конституции Польши 1921 г. демократические права и свободы так и не получили реального воплощения в жизнь в условиях усиления авторитарного режима «санации». Местная государ-

ственная администрация и органы самоуправления формировались из представителей зажиточных слоев общества, присланных из центральных и западных воеводств Польши. Административно-полицейские власти преследовали всякую гражданскую активность и инакомыслие, проводился контроль и сильное ограничение полномочий выборных органов самоуправления. В 1930-е гг. произошло существенное сужение компетенции повтовых, а также городских и гминных рад. Органы местного самоуправления оставались бесправными и бессильными в самостоятельной деятельности. До сентября 1939 г. они не смогли решить самые важные социальные проблемы на Полесье: оставался острым аграрный вопрос, не проведена индустриализация, сохранялась неграмотность, слабым был уровень социальной инфраструктуры и др. При этом польские власти активно занимались колонизацией местного населения.

Список использованной литературы

1. Борка, А. І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. І. Борка. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 139 с.
2. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. – 319 с.
3. Вабішчэвіч, А. М. Палесе ў палітычнай тэорыі і практыцы польскіх улад (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч // Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага дагавору 1921 г.: матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. : зб. навук. прац III міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 9–10 чэрв. 2011 г. / навук. рэд. Е. Расоўска, А. Вялікі. – Мінск, 2011. – С. 265–277.
4. Вабішчэвіч, А. М. Планы польскіх улад па нацыянальна-культурнай асіміляцыі насельніцтва Палескага ваяводства (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2008. – № 1. – С. 45–49.
5. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – 613 с.
6. Польша-Беларусь (1921–1953) : сб. док. и материалов / сост.: А. Н. Вабишевич [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 423 с.
7. Obrębski, J. Polesie / red. nauk. i wstęp A. Engelking. – Warszawa : Oficyna Naukowa, 2007. – 574 s.
8. Cichoracki, P. Droga ku anatemie: Waclaw Kostek-Biernacki (1884–1957) / P. Cichoracki. – Warszawa : IPN, 2009. – 496 s.
9. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 1 / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 593 с.
10. Cichoracki, P. Województwo poleskie 1921–1939: Z dziejów politycznych / P. Cichoracki. – Łomianki : Wydaw. LTW, 2014. – 488 s.
11. Śleszyński, W. Województwo poleskie / W. Śleszyński. – Kraków : AVALON, 2014. – 336 s.